

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ...

Л.В. Ревенко,

*краевед, Пермский край, п. Ильинский
lyudmila.revencko@yandex.ru*

Аннотация. Внучка А.Е. Шильдера Екатерина Адасова в своей работе «Занесенные снегом» возвращает имена своих родственников, подвергнувшихся репрессиям в годы светской власти по признаку происхождения и образования. Материалы, использованные в статье, предоставлены ею.

Ключевые слова: репрессии; Шильдеры; ОГПУ; интеллигенция.

A YOUNG MAN WHO THINKS ABOUT LIFE...

L.V. Revenko,

*Local historian, Perm region, p. Ilyinsky
lyudmila.revencko@yandex.ru*

Summary. The Granddaughter of Schilder A.E. Adasov, Ekaterina, in her work «Snowbound», returns the names of her relatives who were subjected to repression during the years of Secular power on the basis of origin and education. The materials used in the article are presented by her.

Keywords: repression; Nameplates; OGPU; intellectuals.

Императорский Царскосельский лицей известен в первую очередь его выпускником Александром Сергеевичем Пушкиным. С 1843 г. он стал носить имя императора Александра I, подписавшего 12 августа 1810 г. указ об основании привилегированного высшего учебного заведения для детей дворян. Лицей был открыт 19 октября 1811 г., и именно эта дата известна в русской истории благодаря стихам А.С. Пушкина.

В 1911 г. лицей отмечал свою столетнюю историю. К этому времени среди выпускников свято сохранялись традиции: отмечались «Дни лицея», общие панихиды по ушедшим.

В сообщении речь пойдет о директоре лицея Владимире Александровиче Шильдере, его жене Анне Михайловне, их един-

ственным сыне Михаиле, его двоюродных братьях Александре, Карле и Владимире Евгеньевичах Шильдерах.

С 1921 г. перед Шильдерами разверзлись красные советские круги ада. Первый раз они были арестованы 7 августа 1921 г. в числе 833 человек по делу Таганцева, по тому самому, по отношению к которому среди 96 расстрелянных или убитых при задержании расстрелян и поэт Николай Гумилев.

83 человека были приговорены к концентрационным лагерям или другим видам наказания. В это число попали и братья Шильдеры – Александр, Карл и Владимир.

Следователь в обвинительном заключении предлагал: А.Е. Шильдер изолировать в лагерь принудительных работ сроком на два года, а его братьев Шильдера Карла и Шильдера Владимира выслать из пределов Петроградской губернии.

События тех безжалостных дней нашли отражение и в художественной литературе [3].

Александр Шильдер был следователями допрошен трижды, однако в деле представлен только один протокол. Его обвиняли в том, что он знал об организации Таганцева, но не донес об этом следствию.

Просьбы провести очную ставку с тем лицом, который дал такие показания следствию, были оставлены без внимания. Поэтому на имя председателя Петроградчека Мессинга А. Шильдер направляет обращение, благодаря которому становится ясно, что следователь фиксировал в протоколе допроса не все ответы задержанного.

25 апреля 1925 г. было возбуждено (начато) уголовное дело «О контрреволюционной монархической организации» (оно же «Дело лицеистов», или «Дело воспитанников», или «Союза верных»).

Дело было сфабриковано органами ОГПУ в 1925 г. по обвинению группы выпускников Александровского лицея в создании организации с целью свержения советской власти и восстановления монархического строя.

В качестве «доказательств» в обвинении фигурировали традиционные ежегодные встречи выпускников в Лицейский день (19 октября), факт существования кассы взаимопомощи, ежегодные (с 1921 г.) панихиды по погибшим и умершим лицеистам, на которых поминались и члены императорской семьи.

По «Лицейскому делу» в ночь на 15 февраля 1925 г. были арестованы свыше 150 человек, из них 26 расстреляны по постановлению Коллегии ОГПУ от 22.06.1925 г.; 25 человек приговорены к различным срокам заключения в лагеря, 29 – к различным срокам ссылки.

Бывший директор лицея В.А. Шильдер умер во время следствия.

Н.Н. Пунин о событиях тех дней внес в свой дневник следующую запись: «18 июля. Расстреляны лицеисты. Говорят, 52 человека, остальные сосланы, имущество вплоть до детских игрушек конфисковано. О расстреле нет официальных сообщений; в городе, конечно, все об этом знают, по крайней мере, в тех кругах, с которыми мне приходится соприкасаться; в среде служащей интеллигенции. Говорят об этом с ужасом и отвращением, но без удивления и настоящего возмущения. Так говорят, как будто иначе и быть не могло Чувствуется, что скоро об этом забудут... Великое отупение и край усталости» [6].

Самое полное описание дела «Контрреволюционной монархической организации» дано в работе Н.К. Телетовой [8]. Знакомство со всеми материалами дела позволило ей привести не только данные о большом количестве осужденных, но и сделать обоснованные выводы о связи этого дела со многими операциями, которые проводило ОГПУ в 20-е гг. «Дело лицеистов» она соединяет и с операцией «Трест», которая считается одной из крупнейших, эффективных операций ОГПУ против внутренних и внешних врагов Советской России в лице эмигрантов, обосновавшихся в Европе.

О деле «Трест» в 60-е гг. вышла повесть Л. Никулина «Мертвая зыбь», а чуть позже – «Опасные комедианты» А.В. Сапарова. В повести Никулина упоминаний о семье Шильдеров нет, а вот у Сапарова чуть ли не половина текста так или иначе имеет отношение к семье Шильдеров.

Главной причиной, конечно, было простое уничтожение представителей именно правящей элиты.

По версии Сапарова, его брата застрелил Михаил Шильдер.

Михаил Владимирович Шильдер – единственный сын директора Императорского Александровского лицея, генерала от инфантерии Владимира Александровича Шильдера. Сапаров, в отличие от Никулина, уголовную составляющую делает основной.

Сапаров придерживается четких социальных позиций. Образование, а тем более полученное в «лицейском подворье», превра-

щает носителя его во врага и, без сомнения, в члена организации «Корпус офицеров императорской армии и флота». Главой заговора назван реальный лицеист Путилов, по приказу которого Михаил Владимирович Шильдер (выпуск 1914 г., серебряная медаль), железной палкой убивает соученика Иннокентия Замятина (среди лицеистов такого не было) и сбрасывает его тело не в Мойку (как у Никулина) [4], а в Фонтанку.

В «Деле лицеистов» было много членов семей, это и Голицыны с сыном, и жена полковника Семеновского полка Елена Павловна Рихтер, а уж семья Шильдера представлена сразу шестью лицами: муж, жена, сын, племянники, племянница.

К высшей мере наказания – расстрелу – по «Делу лицеистов» приговорены четыре женщины.

«Среди обвиняемых были четыре женщины. Первая – 69-летняя Анна Михайловна Шильдер, урожденная Клингенберг, отказалась назвать следователю какие-либо имена друзей сына – лицеиста Михаила. Позже она получила право остаться в живых. Концлагерь в Соловках ей заменили ссылкой в Свердловск – вместе с племянницей Елизаветой» [7].

В судебном заключении от 22 июня произошла еще одна перемена: было изъято имя 70-летнего Владимира Александровича Шильдера, отнесенного до того к высшей мере наказания. Он скончался к тому времени в тюрьме, оповещенный, что к смертной казни приговорен не только он сам, но и жена, и сын [7].

Директором лицея генерал от инфантерии В.А. Шильдер стал в 1910 г. Кавалер многих орденов, он возглавлял с 1902 по 1906 г. Псковский кадетский корпус, в 1906–1907 гг. был командиром Семеновского полка, с 1907 по 1910 г. – директором Пажеского корпуса.

В.Н. Коковцев оставил воспоминания о торжествах по поводу столетия Александровского Императорского Царскосельского лицея: «Без преувеличения можно сказать, что, несмотря на весь привычный блеск, устраиваемый нашим двором в ту пору приемов и празднеств, лицейский юбилей был на самом деле событием, выдающимся по красоте и оказанию по инициативе государя, вниманию. Не одни лицеисты не забудут того, что они пережили почти в течение целой недели в начале января этого года. Для меня же лично, несмотря на всю обремененность в ту пору занятиями, эти

дни были как бы личным моим праздником, настолько государь пользовался каждым случаем, чтобы сказать мне, как ему отратно быть среди лицеистов и как жаль ему, что состояние здоровья императрицы помешало ей и великим князьям присутствовать на этом торжестве».

И действительно: «Торжественный акт в лицее 7-го января; парадный обед в Зимнем дворце 9-го; спектакль в Мариинском театре в присутствии всего двора и массы приглашенных 11-го; бал, устроенный самими лицеистами в самом лицее 13-го; и товарищеский обед для всех съехавшихся лицеистов и депутатов, устроенный в помещении дворянского собрания 15-го января; множество приветствий, полученных от всех ученых и учебных заведений и, в особенности, было признание заслуг лица перед родиной ...» [2].

Анна Михайловна Шильдер, урожденная Клингенберг, была женой генерала от инфантерии, директора Александровского Императорского лицея Владимира Александровича Шильдера. Родилась в Санкт-Петербурге 15 июля 1856 г. в семье камергера, тайного советника Михаила Карловича Клингенберга. Ее мать, Елизавета Николаевна, была начальницей Санкт-Петербургского Елизаветинского института.

Один из главных организаторов «красного террора» и массовых расстрелов заложников в Москве Мессинг в 1921 г. был назначен на новую должность и с ноября стал председателем Петроградской ЧК.

Кандидатуру Мессинга на эту должность отстаивал Дзержинский.

Возможно, пристальное внимание к Анне Михайловне, урожденной Клингенберг, и связано с тем, что свою первую политическую ссылку Дзержинский, друг и соратник Станислава Мессинга, отбывал там, где губернатором был брат Анны Михайловны, Николай Михайлович Клингенберг, в Вятке.

Р.Б. Гуль описывает первую ссылку Дзержинского и его встречу с Клингенбергом в самостоятельной главе «Губернатор Клингенберг и Дзержинский»: «Летом 1898 года двадцатилетний Дзержинский ехал по той самой железной дороге на север России, по которой через 20 с лишним лет он, как глава коммунистического террора, погнал многие сотни тысяч людей.

Стоял жаркий июль. 29-го числа поезд с ссыльными прибыл и Вятку, и их отвели в тюрьму ждать парохода для дальнейшего

следования. Но несколько дней из-за мелководья не прибывал пароход, и заносчивый арестант Дзержинский послал из тюрьмы письмо вятскому губернатору с требованием не задерживать его в заключении, а разрешить ехать за собственный счет с первым же судном, но «без конвоя, ибо средств на оплату конвоиров не имею».

Аттестация юноши, «проявлявшего во всем крайнюю политическую неблагонадежность», и его вызывающее письмо заставили губернатора Клингенберга заинтересоваться будущим вождем ВЧК. В Вятской губернии тогда было достаточно будущих вельмож коммунизма, тут жили Стучка, Боровский, Смидович, но никто не вел себя столь бравурно, как Дзержинский.

Чиновнику особых поручений князю Гагарину губернатор Клингенберг приказал привезти к нему написавшего письмо Дзержинского.

– Кто он, собственно, такой? – не без брезгливости спрашивал губернатор.

– Неокончивший гимназист... дворянин... совсем юный...

Губернатор захохотал: «Уди-ви-тель-ны-е времена! Не окончившие гимназисты занимаются рабочими вопросами! А ну, пришлите-ка его ко мне, я его отчитаю. Тюрьма, наверное, дурь-то из него выбила!»

И через час в дверях губернаторского кабинета появился высокий, бедновато одетый молодой человек с бросающимся в глаза бледным энергичным лицом и блуждающей на тонких губах усмешкой. Губернатор с любопытством оглядел вошедшую фигуру.

– Ссылный Феликс Дзержинский, – проговорил вошедший звенящим польским акцентом.

– Так вот какие у нас революционеры! Недоучившиеся гимназисты! – гаркнул по-военному губернатор, стукнув кулаком по столу, и побагровел. – Посмотритесь в зеркало, молодой человек! У вас молоко на губах не обсохло, а туда же сунулись «рабочими вопросами» заниматься! Что вы смыслите?!

Надеюсь, тюремное заключение образумило вас! У вас есть мать и отец?

Сколько вам было лет, когда вас арестовали?

Дзержинский обвел взглядом комнату и проговорил:

– Прежде всего, разрешите взять стул.

Губернатор остолбенел.

– Советую вам понять, – закричал Клингенберг, – что находитесь под надзором полиции! Прошу вести себя прилично! Мне не о чем больше с вами говорить! Вон!

Тем и кончилась беседа губернатора с будущим главой ВЧК.

Через день на пришедшем пароходе ссыльный Дзержинский отбыл в назначенный ему город Нолинск. Но из Нолинска Клингенбергу доносили, что этот ссыльный «успел произвести влияние на некоторых лиц, бывших ранее вполне благонадежными». И, хорошо помня Дзержинского, губернатор на рапорте наложил резолюцию: «За строптивость характера отправить под конвоем дальше на север в село Кайгородское. Пусть холодный северный климат немножко остудит революционный пыл».

29-го сентября 1899 г. Дзержинский на чуть брезжущем расвете вошел в челнок на реке Каме и оттолкнулся от берега. Вскоре на излучине реки из глаз Якшина скрылась его белая рубаха, а через две недели губернатор Клингенберг пришел в ярость, узнав, что ссыльный Дзержинский бежал. Для поимки губернатор разослал начальникам жандармских управлений бумагу: «29-го сентября сего года ссыльный дворянин Феликс Эдмундович Дзержинский скрылся из места водворения, села Кайгородского Слободского уезда, приметы следующие: рост 2 аршина 7 вершков, телосложение правильное, наружностью производит впечатление нахального человека, цвет волос на голове, на бровях и пробирающихся усах темно-каштановый, по виду волосы гладкие, причесывает их назад, глаза серого цвета, выпуклые, голова окружностью 13 вершков, лоб выпуклый в 2 вершка, размер носа 1 с четвертью вершка, лицо круглое, чистое, на левой щеке две родинки, зубы чистые, рот умеренный, подбородок заостренный, голос баритон, очертание ушей 1 с четвертью вершка.

Розыски ни к чему не привели. И через месяц, севший в челнок на Каме Дзержинский, вынырнул из-под половицы революционного подполья в Польше» [1].

68-летняя Анна Михайловна Шильдер не подписала постановление о привлечении ее в качестве обвиняемой. Находясь в доме предварительного заключения, Анна Шильдер не поставила свою подпись. И никогда она себя виновной не признавала. Никогда.

Только 16 февраля 1994 г. по архивному «Делу лицестов» было вынесено заключение о прекращении дела и реабилитации

Михаила Федоровича Шильдера, расстрелянного 9 июля 1925 г., Анны Михайловны Шильдер, расстрел которой заменен ссылкой на пять лет в Соловецкий лагерь, Александра Евгеньевича Шильдера, заключенного в концлагерь на три года, Карла Евгеньевича Шильдера, заключенного в концлагерь на три года, Елизаветы Николаевны Клингенберг, лишенной права проживать в Ленинграде, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону; дело в отношении Владимира Александровича Шильдера прекращено в связи со смертью последнего 29 июня 1925 г.

В Соловецком музее представлены два письма, касающиеся Анны Михайловны Шильдер, адресованные на имя председателя Комитета помощи политическим заключенным Е.П. Пешковой.

Единственная родственница Шильдеров, оставшаяся на свободе А.К. Полозова до вынесения приговора и после его вынесения старается облегчить участь заключенных. В какой-то мере по отношению к А.М. Шильдер ей это удалось. Ссылка на Соловках была заменена ссылкой в Свердловск, где уже находилась ее племянница Е.Н. Клингенберг.

Александр Евгеньевич и Карл Евгеньевич Шильдеры были арестованы в третий раз в 1937 г. уже на территории Пермской области. В отношении старшего брата приговор был вынесен в течение месяца – расстрел [5, ф. 641/1, от. 1, д. 12780].

Александр родился 21 июля 1893 г. в имении Симоново Невельского уезда Витебской области. Кавалер орденов: Св. Георгия 4-й степени, Анны 2-й степени с мечами, Анны 3-й степени с мечами и бантом, Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Станислава 2-й степени с мечами, Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

С 1917 по 1921 г. Александр Евгеньевич слушатель Артиллерийской академии РККА. В дальнейшем служит в Институте прикладной химии. С 22 мая 1923 г. в должности старшего химика-лаборанта Ленинградского трубочного завода им. М.И. Калинина.

Александр арестован в г. Березники 27 октября 1937 г. Занимал должность начальника строительного участка Березниковского химкомбината. Допрошен 2 ноября, в этот же день в отношении 16 обвиняемых, проходивших по делу, составлено обвинительное заключение.

А.Е. Шильдер обвинялся в том, что являлся руководящим участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации, ставившей своей целью свержение советской власти путем вооруженного восстания; вел вербовку контрреволюционных повстанческих кадров из числа бывших белых офицеров и кулаков трудпоселенцев. Неоднократно высказывал контрреволюционные повстанческие террористические намерения.

А.Е. Шильдер и Е.Н. Поленова виновными себя не признали.

5 ноября в отношении всех на заседании тройки УНККВД по Свердловской области вынесен приговор, по которому 15 человек приговорены к расстрелу.

Приговор в отношении В.А. Шильдера приведен в исполнение 21 ноября 1937 г.

Е.Н. Поленовой был назначен срок лишения свободы 10 лет.

В 1939 г. она пишет жалобы о фальсификации в отношении ее дела. По результатам проверки жалоб ее дело в том же году было прекращено.

7 ноября 1956 г. военным трибуналом Уральского военного округа было вынесено определение № 1643 об отмене решения тройки НКВД от 5 ноября 1937 г. [5, ф. 641/1, от. 1, д. 1362].

В списке расстрелянных на 12-м километре от Екатеринбурга под номером 154 – скорбное имя Александра Евгеньевича Шильдера: родился в 1893 г., расстрелян 21.11.1937 г.

Преподаватель Березниковского химико-технологического техникума Карл Евгеньевич Шильдер был арестован в г. Березники 18 апреля 1938 г. 4 сентября 1938 г. обвинительное заключение на агента немецкой разведки К.Е. Шильдера было направлено по подсудности. Он обвинялся в том, что создал подпольную группу в г. Березники. В 1937 г. связался с агентом немецкой разведки Бельц и по его заданию проводил следующую диверсионную работу: а) в 1937 г. подготовил поджог склада Березниковского химкомбината, б) в том же году поджег автогараж на 2-м калийном руднике г. Березники, в) готовил террористические акты на случай войны.

Виновным себя не признал.

28 января 1939 г. 1-м спецотделом УНКВД по Пермской области дело было возвращено для производства дополнительных следственных действий с указанием: подтвердить документами факты диверсионной деятельности, совершенные обвиняемым; пе-

редопросить арестованных П.И. Бельц, Е.А. Карут, К.Е. Жемчужникова в шпионско-диверсионной деятельности и провести с ними очные ставки.

Если по делу старшего брата с момента ареста до момента расстрела не прошло и месяца, то в этом деле буквально год ареста, а также сроки следствия, можно предположить, сохранили жизнь арестованному.

Хочется этому верить. Потому что из дела старшего брата видно, что уже в 1939 г. в связи с жалобами Е.Н. Поленовой стали известны методы, какими добывались признательные показания. Все протоколы допроса в деле Александра выполнены машинописным текстом. Следователи дали показания, что обвиняемые только расписывались под предложениями.

И в этот же период начинаются репрессии в отношении следователей, многие из которых также были расстреляны.

2 марта 1939 г. помощник оперуполномоченного 4-го отдела Журавлев по делу Карла Шильдера выносит постановление о прекращении уголовного преследования за отсутствием состава преступления, освобождении К.Е. Шильдера из-под стражи.

Однако исполнено оно не было, поскольку вышестоящая инстанция вынесенное постановление не утвердила.

Постановление прокурора от 6 июня 1939 г., согласившегося с прекращением дела, заканчивается совершенно секретной фразой: «Санкционировать вербовку».

Только 20 июня 1939 г. помощником оперуполномоченного Ивлевым вновь было вынесено постановление о прекращении уголовного преследования за отсутствием состава преступления и освобождения К.Е. Шильдера из-под стражи.

Карл Евгеньевич Шильдер был освобожден из-под стражи 23.06.1939 г.

29 июля 1939 г. у К.Е. Шильдера была взята подписка, что он «обязуется нигде и никому не рассказывать о известных материалах следствия, тюремного режима и т.д., за нарушение настоящей подписки он подлежит привлечению к уголовной ответственности».

Такой промежуток во времени свидетельствует о том, что с К.Е. Шильдером продолжали «работать».

Вместе с тем еще долгие годы, более 15 лет, как видно из материалов дела (запрос из Глазовского ОВД за 1952 г.), запрос из

Ижевского ОВД за 1955 г.), Карл Евгеньевич Шильдер будет находиться под наблюдением правоохранительных органов [5, ф. 641/1, от. 1, д. 1362].

Список литературы и источников

1. Гуль Р.Б. Дзержинский (Начало террора). Русское зарубежье: хрестоматия по литературе. Пермь: Пермская книга, 1995.
2. Коковцев В.Н. Из прошлого. Воспоминания 1911–1919. М.: Современник, 1991.
3. Миронов Г. Заговор, которого не было. М., 2009.
4. Никулин Л. Мертвая зыбь: роман-хроника. Челябинск, 1998. 341 с.
5. ПермГАСПИ. Ф. 641/1 От. 1 д. 12780; Ф. 641/1 От. 1 д. 1362
6. Пунин Н.Н. Дневники. Письма. М., 2000.
7. Сафаров А.В. Фальшивые червонцы. Опасные комедианты. Две повести из хроники чекистских будней. Л.: Лениздат, 1972. 301 с.
8. Телетова Н.К. Дело лицеистов 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 115–131.